

В. К. Коос

ОН ЖЕНИЛСЯ
НА МОЕЙ
СЕСТРЕ

В.К. Косс

Он женился на моей сестре

«Автор»

2026

Косс В.

Он женился на моей сестре / В. Косс — «Автор», 2026

Мой бывший муж женился на моей младшей сестре. На свадебной фотографии она улыбается и носит бабушкину брошь, которую мама когда-то обещала мне. Мама просит обойтись без скандала. Говорит, что любит нас одинаково. Алина ждёт, что я сломаюсь. Только я продолжаю работать, встречаться с подругой, смеяться. И именно этого сестра не может мне простить. Ей мало моего мужа. Теперь она вмешивается в мои заказы, лжёт обо мне и пытается отнять у меня человека, рядом с которым я впервые за долгое время перестаю ждать предательства. Я слишком долго уступала, чтобы мама не расстраивалась, а сестра не злилась. Но сколько ещё я должна потерять, прежде чем получу право сказать: хватит?

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	5
Глава 1. Вера. Свадебная фотография	6
Глава 2. Алина. Чего она не сделала	10
Глава 3. Лариса. Два одинаковых подарка	13
Глава 4. Вера. Четыре места	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

В.К. Косс

Он женился на моей сестре

Содержание

- [Глава 1. Вера. Свадебная фотография](#)
- [Глава 2. Алина. Чего она не сделала](#)
- [Глава 3. Лариса. Два одинаковых подарка](#)
- [Глава 4. Вера. Четыре места](#)
- [Глава 5. Алина. Рабочая переписка](#)
- [Глава 6. Лариса. Штатив](#)
- [Глава 7. Вера. После семи](#)
- [Глава 8. Алина. Приостановить](#)
- [Глава 9. Лариса. Не моя ссора](#)
- [Глава 10. Вера. Без свидетелей](#)
- [Глава 11. Алина. Нужная вещь](#)
- [Глава 12. Лариса. Что я знала](#)
- [Глава 13. Вера. Утро](#)
- [Глава 14. Алина. Ночью](#)
- [Глава 15. Лариса. Дочь](#)
- [Глава 16. Вера. Двенадцать](#)
- [Глава 17. Алина. Не за мной](#)
- [Глава 18. Лариса. Не вместо неё](#)
- [Глава 19. Вера. Домой](#)
- [Эпилог. Вера. Через год](#)

Глава 1. Вера. Свадебная фотография

О том, что мой бывший муж женился на моей сестре, я узнала из сообщения мамы.

Она прислала фотографию и написала: «Только, пожалуйста, без скандала. У них сегодня счастливый день».

Я стояла в мастерской и прижимала отклеившийся край обложки старого семейного альбома. Клей ещё не схватился, убирать руку было рано. На экране телефона Миша обнимал Алину за талию. Она улыбалась, чуть выдвинув подбородок. Я знала эту улыбку: так она смотрела на меня в детстве, когда ей удавалось незаметно спрятать мою тетрадь и я опаздывала в школу.

На платье у неё была бабушкина брошь. Серебряная ветка с тремя жемчужинами.

Мама обещала дать мне её на свадьбу, но тогда застёжка оказалась сломанной. Мы с Мишей расписались без гостей, после работы. Я была в синем платье, которое потом ещё пять лет носила в гости. Серебряную ветку я больше не просила.

Теперь застёжку, видимо, починили.

Телефон завибрировал снова.

«Верочка, ты прочла?»

Я положила его экраном вниз, прижала обложку ещё на минуту и только тогда ответила:

«Да».

Не «поздравляю». Не «будь они прокляты». Восемь месяцев назад я потратила на них все слова, которые могла произнести, не захлебнувшись.

Мне было тридцать четыре. Алине — двадцать девять. С Мишей мы прожили вместе девять лет, официально развелись в феврале, а сейчас стоял июнь. Утром я купила абрикосы, оплатила свет и до свадьбы моей сестры успела отреставрировать корешок сборника стихов. Всё это почему-то казалось неприличным. Словно я должна была заранее почувствовать, что происходит, и весь день лежать лицом к стене.

— Вера, тут женщина за дневником, — позвала из передней Катя.

Я вытерла руки.

Женщина принесла мне дневник своего отца ещё в мае. Он писал его в обычной общей тетради, и последние страницы давно держались на честном слове. Теперь тетрадь лежала в неброском тканевом переплёте. Я сохранила старую обложку внутри, как мы и договаривались.

Заказчица перелистала несколько страниц и вдруг закрыла глаза.

— Он всё время говорил: выбросишь после меня. А я ему отвечала, что даже старые квитанции не выброшу.

Я молча подвинула ей бумажный пакет.

— Сколько я вам должна доплатить?

— Вы всё внесли заранее.

Она взяла тетрадь обеими руками. После её ухода Катя заглянула в мастерскую.

— Ты сегодня белая какая-то.

— Жарко.

— Там у двери полоса солнца, а здесь дубак.

Я посмотрела на неё. Кате было двадцать три, она училась на художника и работала у меня три дня в неделю. От неё редко удавалось отделаться плохим объяснением.

— Миша сегодня женился.

Она не спросила, на ком. Сжала губы и забрала у меня кисть.

— Я это домажу. Иди поешь.

В комнатке за перегородкой стоял электрический чайник, два стула и стол, который Миша когда-то обещал починить. Я сама прикрутила шатающуюся ножку в марте. Об этом

почему-то вспомнила прежде всего: он ушёл, а стол остался, и пользоваться им теперь было удобнее.

Я достала абрикос, разделила пополам. Есть не хотелось.

Первое сообщение Алины после нашего с Мишей расставания было коротким: «Ты же всё равно узнала бы».

Я действительно узнала. Вернулась домой за забытыми документами и увидела в прихожей её зелёные ботинки. Миша стоял на кухне босиком, она сидела на моём месте и пила кофе из кружки, которую я купила ему в поездке. Они не вскочили и не бросились оправдываться. Я тогда долго смотрела на ботинки. На одном был расстёгнут ремешок, и мне очень хотелось застегнуть его, чтобы больше ни на что не смотреть.

— Вер, нам надо поговорить, — сказал Миша.

Алина сразу посмотрела на меня. Не на него.

Потом были чужие слова про то, что чувства случаются, что мы давно жили как соседи, что он боялся сделать мне больно. Я спрашивала только одно: сколько времени. Миша говорил «не это важно», Алина — «ты сама должна была замечать». Наконец я узнала: почти полгода.

Всё вокруг осталось прежним. Я по-прежнему знала, где лежит бельё и как он любит омлет. Это было хуже всего: ещё утром я была женой и сестрой, а к обеду оказалась человеком, о котором они разговаривали между собой.

Мама приехала вечером. Сначала обняла меня, а потом сказала, что Алине сейчас тоже тяжело.

Я помню её холодную серёжку у своей щеки. Помню, как перестала плакать.

Теперь она звонила.

— Верочка, ну зачем ты так сухо? Я же не специально. Просто подумала: лучше от меня, чем от чужих.

— Спасибо. Я узнала.

— Ты обиделась на брошь?

До этой фразы я ещё могла сделать вид, что разговор обыкновенный.

— Мама, я работаю.

— Я вас обеих люблю одинаково. И никого никогда не обделяла. Нельзя всю жизнь считать, кому что досталось.

Я смотрела на недоеденный абрикос.

— Я не считаю.

— Вот и хорошо. Приходи на мой день рождения. Давайте хотя бы ради меня побудем семьёй.

— Я приду к тебе. Когда их не будет.

Мама вздохнула так, будто я снова не дала ей чего-то необходимого.

К вечеру фотографию прислала и Алина. Другую, крупнее. Теперь на ней было видно кольцо, которое она держала у губ.

«Ну что, сестрёнка. Теперь окончательно».

Я прочла сообщение дважды, потом убрала телефон в ящик стола.

В семь пришёл новый заказчик. Мужчина принёс испорченную детскую книгу и сразу предупредил:

— Книга обычная. Просто дочь требует спасти именно эту.

Он достал из пакета книгу о Незнайке. Нижний угол был волнистым от воды, обложка отходила.

— В ванну уронили? — спросила я.

— Читали рыбкам. Рыбкам не понравилось.

Я впервые за день улыбнулась. Мужчина заметил, но не стал развивать шутку.

— Я Павел.

— Вера. Посмотрю, что можно сделать.

Мы обсудили работу, срок и стоимость. Он оставил номер телефона на карточке заказа и ушёл. Я закрыла за ним дверь, опустила жалюзи и задержалась в передней.

Мне вдруг очень захотелось, чтобы кто-нибудь просто проводил меня домой. Не говорил, какая я сильная. Не советовал отпустить. Шёл бы рядом до моего подъезда, а потом я поднялась бы к себе и закрыла дверь.

Вместо этого я поставила чайник, позвонила подруге Инне и сказала:

— Можно я приеду? Только без разговоров про них.

— Конечно, — ответила она. — Картошку будешь?

Я села на стул и наконец заплакала. Тихо, не закрывая лица. Картошку я хотела.

Инна открыла в старых спортивных брюках. В квартире пахло укропом и нагретым маслом. Она забрала у меня сумку, не заглядывая внутрь, и отправила мыть руки. На стол поставила две тарелки, огурцы, соль.

Я села на своё привычное место. Инна жила здесь уже двенадцать лет; мы познакомились, когда я ещё только искала, кто согласится печатать для моих первых заказов. Тогда у неё была маленькая типография с одним старым аппаратом. Теперь аппаратов было больше, квартира оставалась той же.

— У тебя в телефоне музыка, — сказала она.

Я достала его. Звонила мама. Ещё раз.

Инна не стала советовать, отвечать или нет. Взяла себе картошку, спросила, достаточно ли соли. Я выключила звук и положила телефон возле стакана.

— Хочешь ночевать здесь?

— Нет. Мне утром в мастерскую.

— Отсюда тоже можно утром в мастерскую.

— Знаю. Я не хочу проснуться и сразу вспомнить, почему осталась у тебя.

Инна кивнула. Я ела, сначала медленно, потом быстрее. Оказалось, была голодна ещё с обеда. От горячей еды перестало знобить, и сразу стало стыдно, что я чувствую себя лучше по такой простой причине.

— Мне больше всего противно, что они знают меня, — сказала я. — Не просто обманули. Знают, где мне больно. Она знала, какой он. Он знал, какая она. Они оба знали, что я потом сама уберу чашки.

Инна опустила вилку.

— Ты убрала?

— Тогда? Да. Когда они ушли. Помыла обе кружки, поставила в шкаф. Представляешь?

— Представляю.

— И потом мама приехала, а кухня чистая. Как будто ничего не было. Можно сидеть и объяснять, почему я должна понять Алину.

Я потянулась за огурцом, промахнулась, рассмеялась зло и коротко. Инна подвинула миску ближе.

— Я не буду её понимать, — сказала я. — Наверное, когда-нибудь должна, но сейчас не буду.

— Кто сказал, что должна?

Я подумала. Ни Инна, ни Катя, ни человек, принесший дневник отца, этого не говорили. Мама говорила. Миша. Алина. Я повторяла за ними так долго, что уже слышала как собственную мысль.

— Не знаю, — ответила я.

После еды мы помыли посуду, сели на кухонном подоконнике. Инна достала мандарины, хотя в июне они были суховатые и дорогие. Рассказывала про заказчика, который попросил

напечатать «не тускло», а потом возмутился, что цвет слишком яркий. Я смеялась, ещё с опухшим лицом.

Она сняла короткое видео для своей рабочей страницы. Спросила, можно ли оставить меня в кадре. Я пожала плечами: можно. Я не подумала, что Алина увидит. Не хотелось больше выбирать каждое движение с учётом человека, которого рядом не было.

Домой поехала в десятом часу. Перед подъездом купила хлеб на утро, поднялась к себе, разулась. В квартире было тихо. Я поставила чайник и вспомнила, что чай уже пила. Выключила.

У кровати лежала книга, открытая вниз страницами. Миша раньше ругался на эту привычку, говорил, что переплётчик должен знать лучше. Я действительно знала лучше. Подняла книгу, положила закладку и прочла два абзаца. Потом уснула.

Глава 2. Алина. Чего она не сделала

На собственной свадьбе я каждые десять минут проверяла телефон.

Миша решил, что я жду фотографии. Всё спрашивал, не прислал ли фотограф кадры из загса. Я кивала, хотя фотограф сидел за соседним столом и ел язык под хреном.

Мне нужно было другое сообщение.

Хотя бы «как ты могла». Хотя бы пьяный звонок. Хоть что-нибудь, из чего стало бы ясно: Вера сидит одна в своей квартире и понимает, что больше ей нечего ждать.

Она молчала.

Я сама отправила ей фотографию. Написала «теперь окончательно» и сразу увидела две отметки прочтения. Несколько минут смотрела на экран. Потом выключила его, включила опять. Ничего.

— Ты сегодня со мной? — спросил Миша.

— А с кем?

Он взял меня за руку. У него были влажные пальцы; в ресторане не справлялся кондиционер. Я убрала ладонь под стол, чтобы поправить туфлю.

Мы выбрали небольшой зал, хотя Миша предлагал вообще обойтись ужином на двоих. Вот уж нет. Ужин на двоих у него уже был, девять лет назад. Я заказала платье, пригласила двадцать человек и настояла на фотографе. За оформление платить не пришлось: я работала в агентстве «Повод» и умела договориться с флористами. Букеты получились лучше, чем на свадьбах, за которые наши клиенты отдавали вдвое больше.

Вообще-то я хорошо делала свою работу. Но мама, говоря обо мне, всегда добавляла: «Алиночка у нас пока ищет себя». Вера никогда не искала себя. Она могла сидеть по двенадцать часов над чужой ободранной книжкой, и это называлось делом жизни. Мои свадьбы, выставки, переговоры с дурными невестами — всё это почему-то было временным.

На свадьбу Веру я не звала. Мама спрашивала, но сама же понимала, что это было бы слишком. Зато согласилась прислать ей фотографию.

— Только ты не задирай сестру, — сказала она утром, застёгивая на мне брошь.

— Я-то что? Я с ней вообще не разговариваю.

Мама погладила меня по плечу.

— Она переживает.

— Не похоже.

Мама решила, что я обижаюсь на Верину холодность. Я не стала её поправлять.

Телефон снова загорелся. Я почти выронила бокал.

Это была история на странице Инны: Вера на её кухне, в выцветшей футболке, сидит на подоконнике и чистит мандарин. Внизу подпись: «Выходной после работы. Почти заслужили».

Они смеялись. Я нажала на видео ещё раз. Вера что-то говорила, Инна отвечала из-за кадра. Музыка перекрывала слова. У Веры были красные глаза, но она смеялась.

Я сжала телефон так, что заболела кисть.

— Что там? — спросил Миша.

— Ничего.

— Алиса, ну не кисни.

Он иногда называл меня Алисой. Когда мы только начали встречаться, я решила, что это мило: он придумал для меня особенное имя. Потом выяснилось, что в институте у него была девушка Алиса. Сам рассказал, не заметив моего лица. Теперь каждый раз, когда он называл меня так, я слышала чужое имя.

— Я Алина.

Он усмехнулся:

— Знаю.

Я смотрела на его рот и вспоминала, как впервые его поцеловала. Вера тогда задержалась в мастерской, мама лежала дома с температурой, и Миша завёз ей продукты. Я встретила его у подъезда. Предложила кофе. Он сначала отказывался, потом согласился, потому что до вечера оставалось много времени.

Я спросила, как они живут. Он начал жаловаться. Всё оказалось до смешного просто. Ему хотелось, чтобы его слушали, не напоминая о делах, которые он обещал сделать. Я слушала. Даже руки не пришлось положить ему на колено: он сам накрыл мою ладонь своей.

О Вере мы говорили почти весь вечер.

Я знала, что она первым делом заметит зелёные ботинки. Купила их с её помощью: она добавила денег, когда я сказала, что задерживают зарплату. Зарплату тогда не задерживали. Мне хотелось новую обувь, а у неё были деньги.

Если бы кто-нибудь спросил, люблю ли я Мишу, я могла бы ответить «да». Ответить можно что угодно. Я любила, как он вставал из-за стола рядом со мной, когда Вера входила в комнату. Как отворачивался от неё, выбирая меня. Сам он был обычным: храпел, терял носки, рассуждал о том, как правильно жить, а потом три месяца не мог забрать справку для развода.

Рядом с ним я ничего не чувствовала, если не представляла лицо сестры.

Перед горячим мама захотела сказать тост. Поднялась, поправила юбку. Я сразу выпрямилась и положила телефон экраном вниз. Даже фотограф отложил вилку.

— Я хочу пожелать вам терпения, — начала мама. — Заботиться друг о друге, помнить, что семья...

Миша смотрел в тарелку. Я следила за мамой. Она запнулась, потянулась к бокалу. Я знала, о ком она сейчас вспомнила. Слово «семья» застряло у неё из-за Веры.

— Чтобы в доме всегда было тепло, — закончила она. — И чтобы вы были счастливы.

Все выпили. Я тоже. Фотограф сделал несколько кадров. У меня на них, наверное, получилось приличное лицо: я успела вернуть улыбку.

Мама села. Я наклонилась к ней через стол.

— Всё нормально?

— Конечно, Алиночка.

— Ты на моей свадьбе. Можно хотя бы сегодня не грустить?

Она удивилась.

— Я не грущу.

— Тогда улыбайся.

Миша положил руку мне на спину. Я резко повернулась, он сразу её убрал. Мама смотрела на нас, и я почувствовала, что порчу собственный день. Самый красивый, самый правильный, за который ещё половина оплаты не внесена.

За соседним столом сидела мамина давняя подруга тётя Галя. Она подошла ко мне позже, похвалила цветы, спросила, не хочу ли я переодеться: платье, наверное, тяжёлое.

— Я нормально, — ответила я.

Она погладила меня по плечу.

— Береги то, что получилось, Алина.

Я посмотрела на неё. Слова обычные, могла сказать без всякого подтекста. Но я услышала укор.

— То есть вы не уверены, что у меня получится?

— С чего ты взяла?

— Ну, у всех ведь своё мнение. Только сказать вслух никто не решается.

Тётя Галя убрала руку. Я хотела спросить, как Вера, чтобы увидеть её лицо, но удержалась. Нельзя было самой приводить сестру к каждому столу, а потом злиться, что о ней говорят.

Села рядом с Мишей, взяла его за руку. Он удивился, придвинулся. Я позволила. Со стороны мы снова были молодожёнами.

— Горько! — крикнул кто-то.

Миша притянул меня. Я поцеловала его и подняла глаза на маму. Она сидела напротив, улыбалась, держала салфетку под подбородком. Моя мама. Теперь она была здесь, у меня. Не стояла в Верином дверном проёме с кастрюлей супа, не спрашивала, спит ли та по ночам.

После ресторана мы вернулись домой. Квартира была Мишина, точнее, купленная им до брака. Вера после развода получила свою долю общих накоплений и ушла. Оставила светильник, шкаф в прихожей и даже эту дурацкую сахарницу с трещиной. Я выбросила сахарницу первой.

Миша расстегнул воротник, включил телевизор. Я стояла перед зеркалом и снимала брошь.

— Ты счастлива? — спросил он.

— Устала.

— Ну всё, можно выдохнуть.

Я посмотрела на него в отражении. Он действительно выдохнул. Живот немного выступал над ремнём. Мужчина, из-за которого я полгода изображала невозможную любовь, теперь сидел на диване и ждал, когда я найду зарядку.

Вера тем временем могла пить чай у Инны. Обсуждать новый заказ. Выбирать себе обои. Что угодно.

Я открыла её рабочую страницу. Последняя запись была про набор в небольшую группу: Вера собиралась впервые провести занятие по переплёту. Четыре места, запись через сообщения. Под записью ей желали удачи. Одна женщина написала: «Как хорошо, что вы наконец решились».

Я прочла это несколько раз.

Потом набрала сообщение маме:

«Ты знала, что Вера теперь ещё и преподаёт? Ей же нельзя нервничать. Она может не справиться, будет стыдно».

Мама ответила почти сразу: «Поговорю с ней».

Я сняла платье, аккуратно повесила на дверцу шкафа и пошла искать зарядку. Миша уже уснул перед телевизором.

Глава 3. Лариса. Два одинаковых подарка

К своему дню рождения я купила дочерям по шёлковому платку.

Себе ничего не покупала. Мне исполнился шестьдесят один год; подарков я уже не ждала, хотелось одного — собрать обеих за столом. Платки были совершенно одинаковые, кремовые, с синим рисунком. В магазине продавщица предложила разные, но я отказалась. У нас и без того каждый жест теперь рассматривали под лупой.

Вера пришла в субботу, за день до праздника. Принесла пирог и новую настольную лампу.

— Ты жаловалась, что вечером читать неудобно, — сказала она.

Я не помнила, когда жаловалась. Может быть, ещё зимой.

Она собрала лампу, показала, как менять яркость, вынесла коробку к мусоропроводу. Потом мы сели пить чай. Я положила перед ней платок.

— У Алины точно такой же.

Вера провела пальцем по ткани.

— Спасибо. Красивый.

— Видишь, я никогда вас не разделяла.

Она подняла глаза.

— Мам, это просто платок.

— Я понимаю. Но ты иногда так говоришь, будто у меня была любимая дочь и нелюбимая.

— Сейчас я сказала «спасибо».

Я отхлебнула слишком горячего чая. Вера сидела ровно, одетая в белую рубашку. У неё на запястьях были маленькие красные пятна. Я спросила, не аллергия ли.

— Вчера кожу резала. Пыль попала под рукав.

— Может, нужно побережься? Алина сказала, ты занятия какие-то придумала.

Она очень медленно поставила чашку.

— Алина следит за моими занятиями?

— Она волнуется. Ты ведь никогда этим не занималась. И после всего такого...

— После развода я умею держать иглу. И объяснять тоже умею.

— Я не об этом.

— Тогда о чём?

Я не нашла ответа. На работе, в музыкальной школе, я могла объяснить любому родителю, почему ребёнок не попадает в такт. А с дочерьми разговаривала всё хуже.

Перед уходом Вера обняла меня. От приглашения на завтра снова отказалась.

— Вера, ну ты же взрослая. Алинка ещё...

— Ей двадцать девять, мама.

— Я знаю, сколько ей лет.

Она кивнула. Больше ничего не сказала.

В воскресенье пришли Алина с Мишей. Дочь принесла цветы, зять — бутылку вина. Зятем я называла его про себя с некоторым усилием. Слово осталось прежним, только мужем он был уже другой моей дочери.

Они сидели на тех же местах, где раньше сидели Вера с Мишей. Алина заметила лампу.

— Сестричка принесла?

— Да. Хорошая, правда?

— Я бы тебе выбрала поменьше. У тебя стол и так маленький.

Миша потянулся за помидором, промахнулся вилкой. Алина бросила на него раздражённый взгляд, тут же улыбнулась и спросила, почему Вера не пришла.

— Работает.

— Сегодня воскресенье.

— Заказы.

— Ну да. Когда ей надо, у неё всегда заказы.

Я вынесла платок. Алина развернула упаковку, приложила ткань к шее.

— Красиво. А у Веры какой?

— Такой же.

Она сняла платок и положила рядом с тарелкой.

— Всё ещё под неё подстраиваешься.

— Я вас обеих люблю одинаково. Никто у меня не был обделён.

Миша внезапно заговорил о ремонте в своей квартире. Я обрадовалась перемене темы, стала спрашивать про кухню. До конца ужина мы обсуждали шкафчики, и со стороны, наверное, выглядели обычной семьёй.

Когда они ушли, я начала мыть посуду. На столе остался Алинкин платок. Я сложила его в коробку, поставила рядом с Вериним пирогом.

Я села на кухне.

Вера была ребёнком, с которым всё получалось проще. Ей можно было сказать: «Я задержусь, свари макароны», — и знать, что к моему приходу ужин будет готов. После того как их отец ушёл, мне пришлось брать дополнительные уроки. Вера водила Алину в школу, проверяла, не потеряла ли та ключи, разогревала суп. Старшей было четырнадцать, младшей девять. Я говорила знакомым: «Что бы я без Верочки делала» — и искренне считала это похвалой.

Алина болела, капризничала, могла швырнуть тарелку. Я ругалась, потом плакала, потом просила Веру уступить. Она чаще всего уступала.

Мне казалось, всё улеглось, когда девочки выросли. Они получили образование, нашли работу. Я больше никому не стирала колготки по ночам и не подписывала дневники. Взрослые люди могут сами разбираться со своими обидами.

Но в кухонном шкафу до сих пор стояла кружка с отбитой ручкой. Алина швырнула её в Веру, когда ей было пятнадцать. Попала в стену. Ручка отлетела, сама кружка уцелела. Я тогда крикнула на младшую, а вечером спросила у старшей: «Зачем ты её довела?»

Вера сказала, что попросила вернуть взятую без спроса кофту.

Я ответила: «Ну и дала бы ей. Жалко, что ли?»

Это воспоминание пришло некстати. Я встала, вытерла стол ещё раз, позвонила Алине: сообщить про платок. Она не взяла трубку.

От Веры было сообщение: «Не забыла, как лампа переключается? Если что, зайду».

Я написала, что разобралась. Поставила смайлик с сердечком. Мне хотелось попросить её зайти прямо сейчас, но я боялась, что она опять спросит о чём-нибудь, на что у меня не будет хорошего ответа.

Глава 4. Вера. Четыре места

На первое занятие пришли две женщины вместо четырёх.

Я переставила лишние чашки под стол и начала вовремя. Одна участница, Ольга, хотела сделать блокнот для дочери; вторая, Светлана, призналась, что записалась только ради двух часов, когда дома можно не отвечать на вопросы. Мы подобрали ткань, разметили картон. Через десять минут я перестала считать пустые стулья.

Светлана взяла слишком длинную нить, запуталась, сказала несколько крепких слов и спросила, не пора ли ей сдаться. Я показала, как распустить узел. Ольга тем временем неправильно сложила первую тетрадь и покраснела, будто испортила мне жизнь.

— Здесь можно ошибаться, — сказала я. — Это ваш блокнот. У моего первого обложка была совсем кривой.

Пока мы шили, женщины разговорились. Ольга рассказывала про дочь, которая уехала учиться и впервые не приехала на майские. Светлана спросила, часто ли они созваниваются. Оказалось, каждый вечер, но Ольга всё равно проверяет, была ли дочь в сети после их разговора.

— Взрослая уже, — сказала Светлана.

— Я знаю. А вдруг ей там плохо и она не говорит?

Они замолчали. Я помогла Ольге протянуть нить, придержала тетрадь.

— Можно спросить, — сказала я.

— Так она скажет, что всё хорошо.

Я почти ответила, что людям можно доверять. Потом вспомнила, как Миша отвечал, что задержался в офисе, и удержалась. Не каждый разговор должен был становиться уроком из моей жизни. Ольга говорила о своей дочери, не о моём муже.

— Тогда пусть знает, что вы готовы слушать, если будет по-другому, — сказала я наконец.

Она кивнула и посмотрела на свой шов.

— У меня опять косо.

— Один можно поправить. Остальные хорошие.

— Всё равно будет видно.

Светлана придвинула свой блок.

— У меня в два раза кривее. Я дочери скажу, что так задумано. Она у меня дизайнер, привыкла ко всему.

Мы засмеялись. Ольга перестала прятать свою работу под ладонью.

Они задавали вопросы про клей и бумагу, я отвечала, путалась в объяснениях, начинала снова. Раньше, представляя первое занятие, я собиралась говорить гладко и уверенно. На деле дважды забыла нужное слово, один раз назвала инструмент так, что сама себя не поняла. Светлана терпеливо подождала, пока я покажу руками.

На перерыве мы пили чай. Ольга спросила, почему я выбрала именно книги. Я сказала, что любила это с детства, но долго считала подработкой. Работала в печатном салоне, брала заказы на выходные. Когда решила снять мастерскую, почти все говорили, что рискованно.

— А муж поддерживал? — спросила Светлана.

Я подержала чашку у губ.

— По-разному. Сейчас мы не вместе.

Она извинилась за вопрос. Я ответила, что всё нормально. Не хотелось ни объяснять, ни уходить от них в свою комнату. Ещё через минуту мы говорили про ткань, и я была за это благодарна.

После перерыва я выдала им заготовленные обложки. Свою оставила в стороне, предложила оформить их по-своему. Светлана сделала яркую, почти оранжевую. Ольга — серую, с

маленьким синим квадратом в углу. Когда работа закончилась, они положили блокноты рядом и долго обсуждали, какими разными те получились.

К концу занятия они не хотели расходиться. Сфотографировали работы, спросили про следующий раз. Светлана погладила обложку ладонью и сказала:

— Я бы ещё час посидела. За отдельную плату.

Я рассмеялась и впервые подумала, что преподавать мне действительно нравится.

После их ухода позвонила одна из неявившихся.

— Скажите, а перенос уже назначили?

— Какой перенос?

— Мне вчера написали, что вы заболели. От вашей мастерской.

Она прислала снимок переписки. Я узнала свою рабочую страницу, круглую эмблему, привычный приветственный текст. Последняя фраза была чужой: «В связи с тяжёлым личным состоянием мастера занятие отменено».

Меня бросило в жар.

— Я здорова, — сказала я. — Занятие состоялось. Мне очень жаль. Я выясню, что произошло, и предложу вам другую дату.

Вторая женщина получила то же сообщение.

Катя стояла рядом, глядя на экран. Мы вместе проверили настройки. Кроме нас, доступ к странице оставался у Алины: прошлой осенью она помогала мне фотографировать работы и отвечала на сообщения, пока я готовила большой заказ. После развода я поменяла личные пароли. О рабочей странице не подумала.

— Может, она случайно? — сказала Катя и сама поморщилась.

— Два раза.

Я оставила доступ только себе и Кате и написала обеим участницам, что повторное занятие проведу бесплатно. До вечера мы с Катей перебирали переписки: не было ли ещё отменённых заказов. В одной заказчице, просившей восстановить семейную Библию, ответили, что я больше не беру сложные работы.

Заказчица уже отдала книгу другому мастеру.

Алине я позвонила. Она не ответила. На сообщение «Ты писала моим клиентам?» прислала: «У тебя паранойя?»

Я выключила телефон и минут десять сидела, не двигаясь. Потом открыла календарь. В нём оставались оплаченные заказы, две новые заявки, встреча с руководителем агентства «Повод». От встречи захотелось отказаться. Я уже набрала первые слова, но стёрла их.

Рита, владелица агентства, заказала у меня несколько гостевых книг задолго до того, как наняла Алину. На следующей неделе мы собирались обсудить сорок памятных альбомов для гостиницы «Северный двор»: десять лет работы, фотографии сотрудников, короткие истории, собранные владельцами. Печать брала на себя типография Инны, переплёт — я. Достаточно большой заказ, чтобы закрыть летнюю аренду и выплатить Кате нормальную премию.

Мне не хотелось снова доказывать, что я могу работать рядом с человеком, который ежедневно видит мою сестру. Но отказаться значило бы сделать за Алину ещё и эту часть.

В четверг пришёл Павел.

Он принёс маленький конверт с оплатой и рисунок. На листе девочка изобразила зелёного коротышку в оранжевой шляпе. Под рисунком было написано: «СПОСИБО ЧТО ПОЧИНИЛИ».

— Соня спрашивала, можно ли ещё читать рыбкам. Я сказал, теперь только через стекло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.